СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ИДА

Депрессанты

ИДА

Депрессанты

«ЛитРес: Самиздат»

2021

ИДА

Депрессанты / ИДА — «ЛитРес: Самиздат», 2021

«Депрессанты» — это заметки о Ней и о каждом, кто может с Ней столкнуться. Обрывочные записки о борьбе с тревогой и депрессией в пространстве съемной «однушки», а затем и лечебного учреждения. Что там увидит пациентка? Что станет образом мыслей? Кто её встретит? Как живет место, где её лечат? Понять, кто она теперь, девушка пытается, выписывая лист за листом на экране вечно взятого с собой ноутбука.Содержит нецензурную брань.

© ИДА, 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

ИДА
Депрессанты

Предстоящее

Сижу перед открытым документом, нужно начать работать, живот болит как черт, голова не работает, как будто её страхом парализовало.

Ты часто спрашиваешь, «что происходит?», «что случилось?», «из-за чего тебе тревожно?». Давай я попробую, просто чтобы расписаться перед тем, как переобсасывать вечный конфликт государства и налогоплательщиков на 15 страниц, объяснить тебе как это работает.

Во-первых, нужно, наверное, начать с того, что это адски некомфортное состояние. Как будто ты постоянно отслаиваешься от себя, но не на сто процентов. Вот ты сидела, собирала три в ряд, отгородившись от всего мира (который всего-то кошка и ты и гроб-квартира, собственно говоря) телефоном, оп – через тридцать секунд ты очнулась в тринадцатилетнем возрасте на танцах в синем зале с коричневым металлическим станком и деревянными перилами. Среди всех, даже самых убогих «танцевальщиц», ты – самая убогая, потому что пришла с торбой с изображением Цоя и подвела глаза помадой по нижнему веку. Вы стоите в линии, впереди – старшие и красивые, а ни черта не получается, чувствуется равнодушие и ненависть в пропорции пятьдесят на пятьдесят. До этого вы сидели, строго стратифицированные, на лавках – старшие отдельно, «средние» отдельно и скачивали с «Сефана» музыку в качестве 128 или 64 кбит/сек, потому что 256 весит дофига и непозволительная роскошь. Ну гремит депрессивно и гремит, какая разница. Вместо волос – мочалка или что-то похожее на пемзу, разлетающееся и завивающееся в разные стороны, а в середине занятия – мокрое и липкое. Такое же мокрое и липкое, как жизнь твоя.

Проебала уровень. Какого черта туда занеслась – непонятно. Пытаешься отвлечься на текущую повестку. Ой, неправильное было решение: начинает стучать в голове. Это не мысль никакая, просто тягучее ватное «бум-бум-бум» с мхатовскими и полумхатовскими паузами между ударами. Они потом ускорятся, с ними музыку слушать невозможно и видюшки на ютубе смотреть невозможно, они мешают читать и совершать хоть какие-нибудь осмысленные действия. Очень тяжелые руки, очень много ног, трогательно беспомощно висят сиськи (правая больше). Чуть легче, когда находится какое-то занятие, в котором не представляешь себя со стороны. Например, пытаешься заснуть или механически двигаешь пальцем по смартфону. Когда ты начинаешь со мной разговаривать, мне стыдно, потому что на тебя смотрит э т о. У него уже нет (а может и не было никогда) моих глаз, моих волос и скул. Э т о с ебалом формы луны, у него пухлые плечи и подмышки в складках, поэтому на нем обычно что-то большое, чтобы «этого» не было видно. Была бы возможность, оно с удовольствием влезло бы в робу до кончиков пальцев ног. Желательно еще, чтобы она была из колючей ткани, а лучше с веригами, чтобы отвлекаться от монотонных ударов внутри. Осмысленная часть э т о сосредотачивается вверху головы и выше груди в середине, где-то под горлом и между легкими. Там всегда тяжесть и что-то очень мешает. Морщишься и пытаешь избавиться от него. Если намеренно упрощать, то тяжесть похожа на жабу: склизская, жирная, рогатая. Сидит, не шевелится, полуподглядывает из-под опущенных век (если они у жаб есть, конечно, но я не орнитолог, не знаю). Потом тяжелое начинает болеть. Озираешься постоянно в разные стороны быстрыми движениями головы, втягиваешь её в плечи, группируешься, чтобы не так сильно болело, сосало изнутри и било в голову. Ищешь что-нибудь, чтобы отвлекло от боли. Голова начинает разговаривать сама с собой:

«Надо пойти куда-нибудь»

«Нет, не надо»

«А что делать?»

«Сидеть пока, еще посидеть».

После успокоительных тяжесть остается, а боль купируется. А еще есть ощущение, что осмысленная часть выходит из тела и оставляет его на время, поэтому оно сидит оглохшее и тупое и само механическими движениями раскачивается понемногу. Когда разумное приходит обратно, оно первым делом замечает, что туша качается, как будто плачет или убаюкивает кого-то. Ну, обычно к тому времени и плачет, конечно.

Со слезами особая история. Есть два варианта развития событий. В первом случае над грудью становится так больно, что чешет горло, кривится лицо и слезы льются сами. Во втором – убаюкивание не сработало и в ватной пустоте начинает надрывно орать и причитать какая-то баба: «посмотри на себя, посмотри на жизнь свою, ты даже этого недостойное жирное уёбище, лежишь тут, хоть бы поднялась сделала что-нибудь, в порядок себя привела, убрала, приготовила что-то, учебой занялась, переоделась. Тьфу, ничтожество» – и так по кругу. Баба очень навязчивая, она раз десять или двадцать может повторить, набирая эмоцию и тебе никуда не спрятаться от неё, это ты и не ты, это не мама и не все твои родственники – это судья в мантии и белом отложном воротничке, она сидит в нигде, посередине черного пустого пространства. Пока это продолжается на низких оборотах, всё вокруг никакого цвета, звуков нет, даже если они есть, как будто бы тебя обложили колючим утеплителем, который кладут под крышу. Такое ощущение, что ничего и не начиналось для того, чтобы закончиться, очень тихо, нет дивана, нет одеяла, нет тела, сложившегося эмбрионом, самопожирающего, чтобы только эта баба не орала, оно все равно ничего не может сделать, не надо каждый раз говорить ему одно и то же, ничего не меняется, потому что нет сил. Их никогда не было, их столько не может быть, потому что все серое, ватное, дымного цвета и вязкое, и даже поход от кровати до туалета с рассматриванием уродливого мясного остова в зеркале отнимает всё. Что сто раз повторять, чтобы что получилось? Чтобы что за что взялось? Что нужно сделать сначала, что потом? Почему обязательно кричать на него, что оно сделало тем, что ничего нет и ничего не получается, оставьте в покое его пожалуйста, господи, просто оставьте дальше лежать в вате, чтобы просто ничего не было, а потом оно само как-нибудь всё исчезнет и вывезете, и закопаете, и ничего не нужно будет делать, потому что в принципе не было нужно и, как говорил Кролик в Винни-Пухе: «И незачем так орать». Но она настойчивая, зараза. Она вспоминает, как ты обидело любимого вчера, как ты молчало, как ты огрызалось на маму, которая старается, чтобы из э т о получилось «она», вполне себе полноценная, с такими же глазами и руками, смехом и улыбкой как её дети, ну почему нельзя быть как все дети, зачем ничего не хотеть делать, она же пытается это вытащить, привести в удобоваримый вид, и все пытаются, а все в той же поре этот выкидыш человека, учетной карточки, программы человеческой женской особи «родился – развился – учился для гордости, чтобы не быть хуже, чем все, а лучше всех, но лучше не получается, тогда хоть как-нибудь, инклюзивно, но утереть нос посредством «загадошного» молчания, сидения над книжками, грустноватого лежания – работал для денег, устройства семьи, своего дома с картинками в рамках над нужными местами, чтобы потом их начал видеть чей-то ребенок, чтобы он тоже «развился – родился – учился…»».

Она очень монотонно всё перечисляет, от неё невозможно отвязаться, это не радио, чтобы перенастроиться, становится трудно дышать, слишком много вокруг разумного этого вороха упрёков, которые оно ставит само себе или кто их ставит? Уже невозможно терпеть, зачем жалеть то, что недостойно жалости, но, подождите, что же, совсем ни капельки? Оно же старалось, выбивалось из сил, чтобы всё это сделать зачем-то, чтобы кто-то сверху или рядом сказал «вот сейчас да, основной квест закончен, есть побочки еще, но это уже как хочешь, так и проходи».

С ума сойти, третья страница заканчивается, а меня как будто нет. Как будто я всё это не пишу, не слышу музыку из плейлиста, хотя знаю какой, и она играет, не вижу листа, хотя

смотрю на лист и буквы на нем, которые появляются от ударов пальцами. Черт знает, почему это происходит. Я пыталась вспомнить, как мы с тобой жили, когда еще все было хорошо, когда ходили на пруд и до центра города пешком, как потом болели глаза, как фоткались в лифте по пути в пустую, но воздушную квартиру – там как будто меня не было, а был кто-то хороший, кто тебе подходил. И сейчас нет того, кто тебе подходит. А тот, кто ласкается по утрам и кладет голову на колени, это – э т о, которое пытается безуспешно убежать от женщины, которая орет, но она всё время кричит и нет сил, чтобы бежать её – только слушать каждый день.

Настоящее

Жила-была девочка. Сначала она была маленькая и «ничего», потом превратилась в огромную свино-говяжью тушу (говяжью, потому что с грустными глазами). Однажды она устала. Очень сильно устала и продолжала уставать и всё множить и множить вокруг себя проблемы всем: мужу, родителям, девочкам на работе. А потом заболела. Всем хотелось, чтобы она пришла и все разгребла. А на второй неделе болезни с переходом на третью она лежала на сломанном диване под пенопластовыми квадратиками потолка, в куче пледов, в кошке, в одеяле. В миллионе мягких игрушек, использующихся вместо подушек, в наволочках с дырками на рыхлых подушках, на единственном комплекте постельного белья. Лежала, охала и стонала, орала, хватала мужа за руки и просила «можно мне выйти?», «если самой нельзя, помоги мне выйти!», «мне надо выйти!». Давай я пойду спать в ванную, я чудовище, мне больно. Не спи, мне страшно, давай дышать вместе.

На следующее утро она поняла, что не может разговаривать, и нужно срочно бежать. А остальную половину той страшной ночи она думала над разговором с работодателем, который разорвет на ней цепь и вместе с мясом она останется где-то там, на месте работы.

Девочка искала человека за деньги, который мог бы ей помочь, удалить тревожную и тоскливую жабу у неё в груди и сердце. Раньше попытки не были такими удачными, но теперь человек нашелся. Он понял, он сказал, что девочка «не сумасшедшая», что нужно ей помочь и не тянуть всю тяжесть на себе. Выписал рецептов, надавал таблеток, отпустил домой лечиться. Дома паника трансформировалась в плаксивость и истеричность. Смотря на себя со стороны после очередных слезных возлияний, она иронизировала над собой и ненавидела себя. А потом уставала. А потом опять плакала. И вот вместе с человеком они договорились «упаковаться» в больницу.

У девочки ничего никогда не получалось с первого раза. Она не смогла сделать заграничный паспорт вовремя, не купила нужную машину, не вышла замуж. Теперь при температуре 37,2 её не положили в больницу. Пока девочка дожидалась таблеток, она рассматривала всё вокруг, не понимая, почему все так криво слеплено? Как будто высохшая плохая поделка из пластилина держится на памяти пальцев. Над голубой колонной с полурастительным орнаментом висел сине-красно-желтый геометричный витраж со змеей и кубком, а на нем стрелочные часы с надписью «Роллтон». Наверное, это был какой-то постмодернистский жест, но девочка не поняла. В холле стояли разномастные голубые (видимо, под колонну) сиденья с металлическими ручками. На них «поступающие» складывали вещи и садились сами, ожидая своей очереди на то, чтобы сдать «биоматериал на пцр», померять давление и температуру, подписать согласие на медицинское вмешательство.

Когда градусник от тела девочки показал 37,2, она первым делом пролила скупую свинскую слезу, смотрела на всех огромными глазами на мокром месте и спрашивала как героини чеховских или бунинских рассказов: «Ну как же?», «Неужели никак нельзя?», «А если перемерять?». Пришел терапевт в меховом пальто с пушистым воротником и в пластиковом щитке, напечатанном на 3D принтере, через который все равно могли проходить микробы и убивать её, доводя постепенно до аппарата искусственной вентиляции легких.

Терапевт и Человек привели девочку в другой холл, где, как потом окажется, были «обсервационные» палаты. Туда селили тех, кто не волновался и не поднимал таким образом

температуру тела, до момента получения результатов теста. В углу этого холла был стол и пара стульев, над которыми весь угол был завешан иконами, календарями с иконами, книгами с изображениями икон и пластмассовыми (на вид и ощупь), липкими салфеточками, воспроизводящими ненастоящее кружево. Такая синтетика рядом с божественными календарями и цветами на окне смотрелась вполне логично и обоснованно. «Они тут символисты» – подумала девочка. И ушла. До понедельника. Пить таблетки от температуры и другие таблетки, чтобы не расцарапать себя, как она уже делала раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.